

УДК 378+004+331

## КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup>Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе краткого экскурса в историю теоретической социологии показано, что современный этап развития социологической теории на мировом уровне характеризуется кризисными чертами. К этим чертам относятся ослабление интереса к теории ведущих социологов, фрагментация социологического сообщества и профессиональных журналов, отказ от признания универсальных моделей общества и законов его развития. Данные обстоятельства обусловили снижение интереса научного сообщества к социологии во всем мире. При росте исследований на микроуровне отсутствует разработка новых парадигм, которые были бы положительно приняты большинством социологов, что также не позволяет преодолеть текущий кризис. Общество, находящееся в состоянии турбулентности и непредсказуемости, не может предложить новую научно обоснованную модель развития мира. Однако на уровне отдельных стран и регионов построение таких моделей возможно и необходимо. Теоретики и практики должны объединить усилия для реконструкции теоретической социологии на чрезвычайно сложном этапе жизни человечества.

**Ключевые слова:** теоретическая социология; кризис; парадигма; теория; глобализация; повороты; турбулентность.

**Благодарность.** Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г21АРМ-020).

---

### Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Кризисные тенденции в развитии социологической теории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;1:4–9.  
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-4-9>

### For citation:

Titarenko LG. Crisis trends in development of sociological theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;1:4–9. Russian.  
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2023-1-4-9>

---

### Автор:

**Лариса Григорьевна Титаренко** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

### Author:

**Larissa G. Titarenko**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.  
[larissa@bsu.by](mailto:larissa@bsu.by)  
<https://orcid.org/0000-0002-2207-9894>

## CRISIS TRENDS IN DEVELOPMENT OF SOCIOLOGICAL THEORY

L. G. TITARENKO<sup>a</sup>

<sup>a</sup>Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is based on a brief observation of history of theoretical sociology. It is shown that the development of sociological theories at the world level is characterised by several crisis features. They include the weakening of interest in the theory of leading sociologists, the fragmentation of the sociological community and professional journals, the refusal to recognise the universal models of society and laws of its development. Taken together they led to a decrease in the interest of the scientific community in sociology throughout the world. The lack of new paradigms that would be welcomed by most sociologists, with the growth of research at the micro level, also contributes to the current crisis. A society that is in a state of turbulence and unpredictability cannot offer a new theoretical model of the global development. However, at the level of individual countries and regions, such models are possible and necessary as they can unite the efforts of scholars and practitioners in reconstructing the theoretical level of sociology. The current stage of the global development requires the adequate approaches to its understanding under the new conditions.

**Keywords:** theoretical sociology; crisis; paradigm; theory; globalisation; turns; turbulence.

**Acknowledgements.** The research was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (project No. Г21APM-020).

Социология стала наукой, когда четко определила собственный объект и предмет исследования. В центре ее интересов изначально находились фундаментальные проблемы развития общества, включая определение природы социального и направлений социальной эволюции [1]. Еще О. Конт и Г. Спенсер заявляли, что социология должна изучать общество как целостную общность, исследуя закономерности его функционирования и развития. Несмотря на то что эти мыслители не работали в университетах и не были признаны в академической среде, их книги обрели популярность. В середине XIX в. социология еще не была полностью институционализирована: она не преподавалась в высших учебных заведениях, не была представлена научными сообществами, по дисциплине издавалось недостаточно литературы. Тем не менее число приверженцев социологической науки росло, поскольку проблемы, которые социологи рассматривали в своих публикациях, были актуальны и интересны для широких интеллектуальных кругов. Социологическая тематика освещалась в общественно-политических и литературных журналах (например, в Российской империи социология как наука не признавалась до начала XX в., но в журнальных статьях излагались социологические идеи, обсуждались работы западных авторов). Когда социология получила статус самостоятельной науки (в конце XIX – начале XX в.), она стала объектом интереса большого числа молодых людей. Не все из них собирались стать профессиональными социологами, но все из них стремились получить научно обоснованные знания об обществе и законах его существования. Курс социологии в университетах привлекал студентов не только социологических специальностей.

Пережив на рубеже XIX–XX вв. серьезный теоретико-методологический кризис, который был связан

с признанием недостаточности позитивистских подходов и методов исследования в науке, социология обогатила свой фундаментальный базис новыми теоретическими подходами и методами и продолжила развитие. На протяжении XX в. в социологии были созданы макротеории, получившие мировую известность и выдвинувшие универсальные законы развития общества (можно ли их и сегодня считать таковыми, не столь важно: в любой науке с течением времени знание подвергается ревизии, поскольку представление об объекте исследования и сами исследовательские подходы и методы меняются). Это структурный функционализм, технократические концепции, постиндустриализм, информационное общество и т. д. Как и раньше, социологи из разных регионов мира стремились изучать созданные западными социологами (и далеко не бесспорные в своей претензии на универсальность) теории и адаптировать их для своего общества. Неофициально закрепился тезис о том, что западные теории являются наиболее зрелыми и в значительной мере применимыми к любому обществу. Данную позицию обосновывал в своих трудах мэтр американской социологии середины XX в. Т. Парсонс, утверждавший, что США – модель развития для всего мира [2].

В 1990-х гг. социологи стран постсоветского пространства приняли как должное западные теории социетальной трансформации, навязывавшие переход к рынку и либеральной демократии независимо от имеющихся условий и предпосылок. Львиная доля теоретического наследия прежнего этапа была либо признана консервативной, либо отброшена. Не избежали этой участи и теории, связанные с марксистской трактовкой общественного развития. Несмотря на провозглашенный плюрализм, в теоретической социологии стремительно нарастали фрагментация и нежелание ученых

поддерживать коммуникацию с научными оппонентами: многие социологические сообщества отделялись от других, формировали собственную научную повестку и использовали свои подходы, издавали журналы, не проявляя интереса к другим сообществам или подвергая оппонентов огульной критике. Данную ситуацию наглядно описал М. М. Соколов на примере сообществ в петербургской социологии [3]. В таких условиях вряд ли можно было ожидать создания инновационных теорий в социологии, хотя с учетом радикальных социетальных перемен они были крайне необходимы. Поиск подобных теорий так или иначе шел: регулярно проводились конференции и издавались работы, ставившие вопрос о том, куда идет страна (прежде всего Россия, поскольку ее человеческий потенциал и ресурсы были самыми значительными), по какому пути она должна и может развиваться. С 2001 г. издается ежегодник «Россия реформирующаяся», в подготовке которого принимают участие многие социологи страны и который дает представление о научных поисках в этой области [4].

На рубеже веков широкое распространение в мировом сообществе получили глобалистские концепции, согласно которым мир становится единым и все страны неизбежно втягиваются в тесные связи и отношения, становясь более похожими друг на друга, взаимозависимыми и подчиняясь общим экономическим законам на более высоком уровне интеграции. Для адекватного понимания и описания происходящей бифуркации (деградации старого мира и становления нового) у социологии пока не хватает инструментов, тогда как старые знания о мире устарели [5]. Этап глобализации породил новые теории в мировой социологии, которые также претендовали на универсальность, но отражали критическое отношение авторов к изменениям. Одной из самых популярных стала теория «макдональдизации» общества, описывающая «процесс, в ходе которого принципы работы ресторана быстрого обслуживания начинают влиять на все большее и большее число сфер американского общества, как и остального мира»<sup>1</sup> [6, р. 1–2]. Данный процесс означает доминирование формальной рациональности во всех сферах жизни общества, которая одновременно порождает иррациональность, проявляющуюся в непредсказуемых последствиях. Происходит дегуманизация социума. Теория общества глобального риска сформировалась после чернойбыльской аварии. Она утверждала, что во взаимодействии с окружающей средой человечество уже перешло красные линии устойчивого развития, означающие возможность прогнозирования будущего, и что впереди только нарастание рисков и непредсказуемости [7]. Польско-британский теоретик З. Бауман выдвинул постмодернистскую теорию «текущей

современности», согласно которой социальные изменения одновременно происходят на глобальном, национальном, локальном и индивидуальном уровнях. По Бауману эти изменения непрерывно ускоряются, при этом бремя тяжести всех негативных последствий ложится на индивида. Таким образом, понятие «устойчивое развитие», широко используемое в мировой политической практике, приобретает условный характер [8]. Параллельно функционирует теория радикального модерна Э. Гидденса. Важнейшей характеристикой этого общества автор объявляет рефлексивность, при которой социальные практики в свете поступающей информации постоянно проверяются и существенно меняют характер [9, с. 175]. Позднее Дж. Ритцер предложил теорию глобализации «ничто», согласно которой глобализация превращает весь мир в симулякр, преобразуя вещи и людей в артефакты, за которыми пустота, ничто [10].

Поскольку общество на современной ступени развития приобрело характеристики турбулентности, контингентности и непредсказуемости, в теориях данного периода объект исследования и возможности его объяснения и понимания подвергаются серьезному сомнению. Социологические макротеории уже не вызывают всеобщего интереса и уходят на периферию академической науки. Все больше авторов предпочитают не заниматься макросоциологией, концентрируясь на проблемах отдельных социальных феноменов или сфер (семьи, религии и т. д.). В мировом социологическом сообществе исчезает интерес к интегральным макротеориям. Созданные в 1980-х гг. интегральные теории не упоминаются практически нигде, кроме университетских курсов по истории социологии.

Особо необходимо отметить, что состояние неопределенности и кризиса охватывает социологию не только в постсоветских странах, что можно было бы объяснить социально-экономическим контекстом и радикальными политическими пертурбациями, но и в странах социологического мейнстрима, прежде всего в США. Начиная с 1990-х гг. в Америке отчетливо проявляются кризисные настроения и тенденции.

Во-первых, ведущие американские социологи стали шаг за шагом отдаляться от своей профессиональной сферы деятельности (И. Валлерстайн, имея мировую известность, постепенно отказывается от участия в серьезных проектах, предпочитая им написание небольших критических статей на злобу дня). Мало кто из лидеров того периода создает новые теории, а если и создает, то на основе прежних теоретических наработок (так, труд Дж. Александра о гражданском обществе, в отличие от публикаций по культурсоциологии, написан на базе его более ранних исследований [11]). Лишь отдельные

<sup>1</sup>Здесь и далее перевод наш. – Л. Т.

из ведущих американских социологов продолжают преподавательскую деятельность в университетах. Например, автор концепции публичной социологии американский социолог М. Буравой вынужден продолжать ежегодно читать базовые дисциплины для первокурсников в Калифорнийском университете в Беркли, чтобы популяризировать свою концепцию и продемонстрировать, что социологические теории нужны прежде всего для обоснования интересов того или иного общественного движения. Однако активная работа ученого по развитию публичной социологии оборачивается тем, что приоритет отдается именно публичной деятельности социолога, миссией которого становятся поддержка общественных организаций и социальных движений [12, с. 14].

Во-вторых, в западной социологии (как и в российской) с 1990-х гг. нарастает дезинтеграция в социологическом сообществе. В США она проявляется в том, что социологи предпочитают коммуницировать между собой только на региональном уровне (в каждом крупном регионе функционируют отдельные социологические общества). Общие съезды Американской социологической ассоциации и Международной социологической ассоциации больше интересуют тех, кто только строит карьеру и ищет новые трибуны для своих идей. Поскольку каждая региональная ассоциация издает профессиональные журналы, высокочтимые в местных университетах, мало кто стремится без особой необходимости публиковаться на уровне Международной социологической ассоциации. Как правило, статус западного социолога вообще не зависит от его индекса Хирша или публикаций, индексируемых в базах данных *Scopus* или *Web of Science*.

В-третьих, на взгляд известного американского автора С. Тернера, «в топ-журналах верховодят научные клики, члены которых высоко оценивают только друг друга» [13, р. 152]. Понятно, что ученому, не входящему в эти профессиональные сообщества, практически невозможно опубликоваться в топ-журнале, а таких в США, по мнению С. Тернера, насчитывается как минимум три: *American Journal of Sociology* (старейший в США), *American Sociological Review* и *Annual Review of Sociology* [13, р. 152]. Другие журналы более доступны, их тематика обычно связана с отдельной сферой исследования (например, *Work and Occupations*). Как правило, у каждого журнала своя аудитория, которая часто вообще не знакома с контентом других изданий.

В-четвертых, произошла дезинтеграция популярного в прежние десятилетия движения новых левых. Исторически известно, что левые движения (включая социологию) были склонны к изоляционизму и не стремились к объединению. Но если в 1960–70-х гг. в лоне радикальной левой социологии открывались новые направления для дискус-

сий, то к началу XXI в. все это постепенно исчезло. На смену интеллектуально насыщенным левым движениям пришли широкие социальные движения – феминистские, экологические, националистические (в США – связанные с меньшинствами), которые, по мнению С. Тернера, либо изначально были элитистскими проектами, либо использовались элитой для достижения определенных целей. Эта черта характерна и для европейской социологии: в начале XXI в. экологические проекты стали популярны в Европе и хорошо финансировались спонсорами, заинтересованными в развитии зеленой энергетики независимо от научной обоснованности таких социальных проектов и движений.

В-пятых, широкомасштабные исследования в разных странах, проводившиеся на протяжении нескольких десятилетий в рамках проектов *World Value Studies* и *European Value Studies* (под руководством американского политолога и социолога Р. Инглхарта), к началу XXI в. доказали, что происходящие в мире процессы модернизации, вопреки теории Парсонса, не универсальны. В разных регионах эти процессы обусловлены исторической и социокультурной спецификой. Что еще более важно, исследования доказали, что более высокий уровень экономического развития не всегда способствует продвижению демократии и других либеральных ценностей, как утверждала универсалистская теория модернизации [14, р. 14]. Эмпирически было подтверждено, что модернизационные изменения не являются необратимыми. Экономический коллапс страны может привести к краху модернизации, как это произошло в 1990-х гг. в постсоветских странах. Также было показано, что модернизация не всегда осуществляется по западному образцу, примером чего выступает Япония. Поэтому модернизация не является вестернизацией, а процессы мирового развития идут разными путями. В конечном счете не экономика, а культура была признана отправной точкой модернизации, а ее критерием был назван рост ценностей самовыражения. Невозможно успешно провести модернизацию или социетальную трансформацию общества, опираясь лишь на внешние силы и универсальные модели [15].

В-шестых, с конца прошлого века в социологии появляется множество так называемых поворотов, т. е. отказов от представляющих устаревшими подходов в пользу новых идей. Повороты чаще всего были связаны с пересмотром представлений об объекте и предмете социологического изучения, отказом от признания социального, а также с разработкой новых проблем и стратегий их анализа в сфере эмпирических исследований. Создатели таких поворотов, как правило, пытаются представить свою теоретическую инновацию как новую теорию или даже парадигму, хотя иногда ограничиваются признанием устарелости прежних социологических

концепций и рассматривают себя как реформаторов социологии. Упомянем лишь самые значимые из поворотов.

Один из ведущих британских теоретиков начала XXI в. Дж. Урри выдвинул три взаимосвязанных поворота, которые, по его убеждению, радикально изменили социологию и составили основу парадигмы мобильностей [16, с. 73]. Это повороты сложности, мобильности и ресурсности. В совокупности они были нацелены на переосмысление устаревших оснований социологии, которые в эпоху «текучей современности» и турбулентности делают бессмысленным сохранение прежнего понятия общества как устойчивой социальной системы. В новую эпоху все движется, поэтому понятие «общество» заменяется понятиями «социальная мобильность» и «социальные сети и потоки» (люди, товары, идеи, информация). Мобильность и ее виды становятся новым объектом изучения социолога, более сложным и требующим междисциплинарного подхода [17]. Дж. Урри предлагал также включить в предмет социологии анализ изменения климата, природы, развития техногенной среды, так как они тесно связаны между собой. Только полная перестройка социологии, по мнению Дж. Урри, обеспечит адекватное познание новой турбулентной социальной реальности.

В конце XX в. был осуществлен культуральный поворот, связанный с именем Дж. Александера. Он означал переосмысление роли культуры в обществе, в частности признание ее автономной детерминантой общественных изменений, оказывающей решающее воздействие на социальные институты и действия [18]. Актуальность культурального поворота Дж. Александер обосновал радикальными изменениями общества постмодерна, а именно диффузностью, нелинейным характером развития, разрывами социума, культурными травмами, релятивизацией норм и ценностей [19, р. 10]. Культуральная социология, согласно взглядам Дж. Александера, позволит каузально объяснить связи культуры и других компонентов общества и раскроет новые стратегии интерпретации социальной жизни.

Повороты в социологии привели к размыванию границ дисциплины. Исследования любых проблем становятся междисциплинарными, а их авторы считают возможным использовать самые разные подходы, теории и методы для получения новых результатов.

Чтобы стало понятным, насколько подобные подходы продуктивны и насколько вовлечение в предметное поле социологии знаний из других дисциплин (неврологии, кибернетики, математики и т. д.) приемлемо для социологической науки, требуется время. Очевидно, что активно происходит перестройка социологии, включая ее теории. Проблема заключается в том, чтобы новое знание не вытесняло старое, т. е. для сохранения фундамента социологии необходимо взаимное приспособление разных блоков знания, в частности их новое комбинирование [13, р. 196].

С учетом непредсказуемого развития современного общества вполне вероятно, что в настоящее время преодоление кризиса теоретической социологии невозможно. На это должны повлиять внешние условия развития, касающиеся не только социологии. Кроме названных черт кризиса социологии, можно было бы отметить черты, обусловленные внешними воздействиями: неспособность социальной теории достаточно быстро осмысливать и обобщать влияние пандемии COVID-19 на глобальное развитие социума, а также корректно рефлексировать и объяснять постоянно возрастающее влияние цифровых трансформаций, которые, бесспорно, радикально меняют социальные процессы и явления и требуют к себе особых подходов. Однако в любом случае необходимо продолжать теоретическое переосмысление того, что достигнуто, и искать пути переориентации теоретического знания в новых условиях. Возможно, в разных регионах теоретическая переориентация будет отличаться. Данное обстоятельство должны учитывать социологи постсоветского региона, как никогда нуждающиеся в макротеоретическом осмыслении сложившейся социальной ситуации.

### Библиографические ссылки

1. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Гофман АБ, переводчик и составитель. Москва: Канон; 1995. 352 с.
2. Парсонс Т. *Система современных обществ*. Седов ЛА, Ковалёв АД, переводчики; Ковалёва МС, редактор. Москва: Аспект Пресс; 1998. 270 с.
3. Соколов ММ. Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010;13(3):111–132.
4. Горшков МК, редактор. *Россия реформирующаяся: ежегодник. Выпуск 20*. Москва: Новый хронограф; 2022. 552 с.
5. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. Иноземцева ВЛ, переводчик. Москва: Логос; 2004. 368 с.
6. Ritzer G. *The mcdonaldization of society*. Thousand Oaks: Pine Forge Press; 1993. 221 p.
7. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Седельник В, Фёдорова Н, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2000. 383 с.
8. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge: Polity Press; 2000. 228 p.
9. Гидденс Э. *Последствия современности*. Ольховиков ГК, Кибальчич ДА, переводчики. Москва: Праксис; 2011. 352 с.

10. Ritzer G. *Globalization of nothing*. Thousand Oaks: Sage; 2003. 280 p.
11. Alexander J. *The civil sphere*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 816 p.
12. Абрахам М. Размышления о Майкле Бурауе и публичной социологии. *Глобальный диалог*. 2022;12(3):13–14.
13. Turner S. *Mad hazard: a life in social theory*. Bingley: Emerald Publishing; 2022. 340 p.
14. Inglehart R, Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence*. New York: Cambridge University Press; 2005. 333 p.
15. Инглхарт Р. *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. Лопатина СЛ, переводчик. Москва: Мысль; 2018. 347 с.
16. Урри Дж. *Мобильности*. Лазарев АВ, переводчик. Москва: Праксис; 2012. 576 с.
17. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. Кралечкин Д, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2012. 336 с.
18. Alexander J. *The meanings of social life. A cultural sociology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. 312 p.
19. Alexander J, Eyerman R, Giesen B, Smelser N, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. 327 p.

## References

1. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Gofman AB, translator and compiler. Moscow: Kanon; 1995. 352 p. Russian.
2. Parsons T. *The system of modern societies*. New Jersey: Prentice-Hall; 1971. 143 p.  
Russian edition: Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv*. Sedov LA, Kovalev AD, translators; Kovaleva MS, editor. Moscow: Aspekt Press; 1998. 270 p.
3. Sokolov MM. Personal careers and social origins of natural zones in St. Petersburg sociology. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2010;13(3):111–132. Russian.
4. Gorshkov M, editor. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik. Vypusk 20* [Russia in reform: yearbook. Issue 20]. Moscow: Novyi khronograf; 2022. 552 p. Russian.
5. Wallerstein I. *The end of the world as we know it. Social science for the twenty first century*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1999. 277 p.  
Russian edition: Wallerstein I. *Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka*. Inozemtseva VL, translator. Moscow: Logos; 2004. 368 p.
6. Ritzer G. *The mcdonaldization of society*. Thousand Oaks: Pine Forge Press; 1993. 221 p.
7. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1986. 396 S.  
Russian edition: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Sedel'nik V, Fedorova N, translators. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 383 p.
8. Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge: Polity Press; 2000. 228 p.
9. Giddens A. *The consequences of modernity*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 186 p.  
Russian edition: Giddens A. *Posledstviya sovremennosti*. Ol'khovikov GK, Kibal'chich DA, translators. Moscow: Praksis; 2011. 352 p.
10. Ritzer G. *Globalization of nothing*. Thousand Oaks: Sage; 2003. 280 p.
11. Alexander J. *The civil sphere*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 816 p.
12. Abraham M. [Reflections on Mickael Burawoy and public sociology]. *Global'nyi dialog*. 2022;12(3):13–14. Russian.
13. Turner S. *Mad hazard: a life in social theory*. Bingley: Emerald Publishing; 2022. 340 p.
14. Inglehart R, Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: the human development se-quence*. New York: Cambridge University Press; 2005. 333 p.
15. Inglehart R. *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution: how people's motivations are changing and how this change the world]. Lopatina SL, translator. Moscow: Mysl'; 2018. 347 p. Russian.
16. Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press; 2007. 336 p.  
Russian edition: Urry J. *Mobil'nosti*. Lazarev AV, translator. Moscow: Praksis; 2012. 576 p.
17. Urry J. *Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge; 2000. 255 p.  
Russian edition: Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya*. Kralechkin D, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2012. 336 p.
18. Alexander J. *The meanings of social life. A cultural sociology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. 312 p.
19. Alexander J, Eyerman R, Giesen B, Smelser N, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. 327 p.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2023.  
Received by editorial board 23.01.2023.